

ПАМЯТЬ
НЕ СТЕРЕТЬ.
ПРАВДУ
НЕ ЗАБРАТЬ.

Юрий Верхолин
ВАЛЕНТИНА
В БЕГАХ

БАНК

ВКЛАД

1 200 000

850 000

500 000

ПАНСИОНАТ
СОСНОВЫЙ БОР

Юрий Верхолин

Валентина в бегах

<https://litres.ru/74585127>

SelfPub; 2026

Аннотация

В восемьдесят шесть Валентина Михайловна оказывается в бегах — не от закона, а от чужих решений. Родная квартира превращается в место, где за ней следят, запрещают и решают, как ей жить. Один дом сменяется другим: чужая квартира, дом родственницы, реабилитационный центр, пансионат.

Кажется, дальше бежать уже некуда.

Устройство «Потомки» позволяет заново проживать собственные воспоминания — не вспоминать их, а снова оказываться внутри прошлого. Но однажды Валентина видит то, чего помнить не может: сын и невестка обсуждают её банковский вклад и доверенность.

Она решает проверить увиденное — и узнаёт, что вклад действительно закрыт, а деньги получены по доверенности, которую она не оформляла.

Теперь Валентине предстоит понять, что показал нейросенсор: невозможное воспоминание, предупреждение или правду, которую от неё пытались скрыть.

Содержание

Часть I. Дом, где стало тесно	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валентина в бегах

Часть I. Дом, где стало тесно

Валентина Михайловна — профессиональная швея. В молодости она заведовала московским модным домом в должности главной портнихи. В старшем возрасте оставила профессиональную деятельность и решила пожить для себя. В трёхкомнатной квартире вместе с ней жили сын Максим, его

жена и их маленький сын — внук Валентины. Валентина и внук занимали отдельные комнаты.

По утрам она долго сидела на краю кровати, прежде чем встать. Стопы ещё не слушались; приходилось несколько раз согнуть пальцы, нащупать тапочки, опереться ладонью о тумбочку. Зато, добравшись до кухни, Валентина немедленно замечала всё: криво подвёрнутый рукав внука, нитку на Максимовом пиджаке, крошки возле хлебницы.

— Иди сюда, покажи, — говорила она мальчику и разглаживала у него на плече ткань.

Он терпеливо поднимал руку. Бабушкины пальцы, с узловатыми суставами, двигались медленно, но находили перекошенный шов безошибочно. Потом он усаживался рядом и ждал, когда она намажет ему хлеб. Невестка протискивалась к холодильнику, придерживая дверцу, чтобы не ударить спинку его стула. Максим ставил свою чашку на единственный свободный угол стола.

Максим с супругой уже давно представляли другую жизнь — без постоянного присутствия матери, когда квартира наконец будет принадлежать только их семье и они смогут жить для себя. В открытый конфликт с Валентиной невестка не вступала.

Вечером невестка убрала с их кровати детскую кофту, которую Валентина принесла после починки, и положила её на комод.

— Мы даже поговорить не можем, чтобы никто не вошёл,

— сказала жена.

Максим прикрыл дверь. За стеной мать что-то объясняла внуку; слышалось, как мальчик передвигает стул.

— Она у себя дома, — негромко ответил он.

— Я знаю. Я и не говорю ей ничего. Но мы тоже здесь живём, — тихо сказала жена.

Она потянулась за кофтой и аккуратно сложила её ещё раз, хотя та уже лежала ровно. Максим смотрел на дверь. Из коридора донёсся голос матери: она спрашивала, будут ли они пить чай. Он ответил не сразу.

Однако семейное напряжение возникло не только из-за желания молодых жить отдельно.

Однажды Валентина разогрела на газовой плите суп и ушла из кухни. Через некоторое время Максим почувствовал запах газа.

Сначала он задержался у порога кухни. Запах был слабый, но достаточно отчётливый, чтобы заставить его остановиться. Максим втянул воздух ещё раз, шагнул к плите и увидел пустую тёмную конфорку. Пламени не было, а ручка оставалась повёрнутой.

— Мам, ты сейчас готовила?

Из комнаты отозвались:

— Суп разогревала. Что?

Он закрутил ручку, прислушался, распахнул створку окна. Холодный воздух ударил в грудь. Жена появилась в коридоре с сыном; Максим махнул ей рукой, показывая в сто-

рону соседней комнаты.

— Побудьте там. Балкон открой, — сказал Максим.

— А мама? — спросила жена.

Он уже шёл к Валентине. Она сидела над раскрытой коробкой с нитками и подняла голову, когда он взял её за локоть.

— Встань. Посиди пока с женой и сыном в соседней комнате, — сказал Максим.

— Да что ты меня тянешь? — возмутилась Валентина.

Он ослабил хватку, подождал, пока она найдёт опору и поднимется, но руки не убрал. В соседней комнате жена уже открыла балконную дверь. Она прижала мальчика к себе, освобождая Валентине проход к креслу. Валентина села, поправила ворот домашнего платья. Сквозняк от открытого балкона охлаждал ноги.

Никто не пострадал, но Максим серьёзно испугался: если бы утечку заметили позже, скопившийся газ мог привести к отравлению или более тяжёлым последствиям.

Когда кухню проветрили, Валентина первой вернулась к плите. Максим стоял возле неё, не снимая руки с подоконника.

— Я ведь выключала, — сказала Валентина, глядя на плиту.

— Не до конца, значит, — ответил Максим.

Она потрогала ручку и отдернула пальцы. В кухне ещё было холодно; Максим всё медлил закрывать окно.

Невестка не устроила Валентине скандал. Уже позже, оставшись с мужем наедине, она спокойно сказала:

— Хорошо, что ты был дома. А если бы никого не оказалось?

Валентину это раздражало: одна ошибка с конфоркой, по её мнению, ещё не означала, что она больше не способна действовать самостоятельно.

После того случая Максим начал проверять плиту каждый раз, когда Валентина выходила из кухни. Она уже знала эту привычку: через несколько секунд после её ухода сын заходил следом и смотрел, в каком положении находятся ручки конфорок.

Однажды Валентина не ушла сразу. Остановилась в дверях и дождалась, пока Максим подойдёт к плите.

— Посмотри ещё под столом, — сказала она. — Вдруг я и там что-нибудь оставила.

Максим оторвал взгляд от панели плиты и выпрямился.

— Мам, я просто проверяю, — спокойно ответил он.

— Я вижу, — сухо сказала Валентина.

Она прошла мимо, задев его плечо. Он отступил, хотя места было достаточно.

Через некоторое время новый повод для тревоги возник в ванной. Валентина принимала ванну и по привычке заперла дверь изнутри.

Закончив, она спустила воду, выбралась из ванны и надела белоснежный халат. После горячей воды тело приятно рас-

слабилося, но вместе с этим навалилась усталость.

Валентина подошла к двери и потянула задвижку.

Та не поддалась.

Она попробовала ещё раз, сильнее. Задвижка чуть дрогнула, но осталась на месте.

— Вот ещё...

Валентина перехватила её пальцами и снова потянула вверх. Рука быстро устала. Она остановилась, перевела дыхание и попробовала другой рукой.

Безрезультатно.

Только теперь до неё дошло, что дверь заклинило.

Она постояла перед ней несколько секунд, всё ещё надеясь справиться сама, затем ещё раз дёрнула задвижку. Сил после ванной уже не хватало.

Валентина поняла, что оказалась заперта.

— Максим! — закричала она из-за двери.

С первого раза он не услышал.

— Максим! Иди сюда! — крикнула Валентина ещё громче, уже почти срываясь на вопль.

Послышались быстрые шаги.

— Мам, что случилось? — донёсся голос Максима с другой стороны двери.

— Дверь не открывается! Задвижку заклинило! — выкрикнула Валентина.

Максим попробовал ручку снаружи.

— Отойди от двери, — сказал он.

— Подожди, я ещё раз попробую! — отозвалась Валентина из ванной и снова потянулась к задвижке.

— Мам, не надо! Отойди от двери! — настойчиво крикнул Максим снаружи.

Валентина сделала несколько шагов назад.

Максим ещё раз дёрнул дверь, затем попытался освободить задвижку снаружи, но добраться до неё не смог.

— Ты отошла? — спросил Максим.

— Отошла, — ответила Валентина из-за двери.

Со второго сильного толчка дверь поддалась. Дерево возле замка треснуло, и створка распахнулась.

Максим увидел мать в белом халате. Она стояла возле стены, придерживая пояс одной рукой.

— Всё нормально? — спросил Максим.

— Нормально. Просто эта проклятая задвижка не открылась, — ответила Валентина.

Он посмотрел на сломанный замок, потом на мать.

— А если бы дома никого не было?

Валентина ничего не ответила.

Этот случай Максим сразу поставил в один ряд с историей с газом. Валентина не пострадала, но для него это стало ещё одним весомым аргументом: мать всё чаще оказывалась в ситуациях, с которыми не могла справиться без посторонней помощи.

За ужином сын почти не ел. Валентина придвинула к нему хлеб, словно ничего особенного не случилось. У двери ван-

ной осталась щепка; проходя мимо, она каждый раз смотрела в пол.

Невестка снова не спорила со свекровью. Позже она напонила мужу:

— Ты же не можешь всё время находиться рядом с ней.

Третьим поводом стал утюг. После стирки одежда высохла, но осталась мятой, и Валентина решила её погладить. Она поставила гладильную доску, включила утюг и принялась за вещи.

Одну из них она почти закончила, когда её окликнули из коридора. Валентина ответила, отвлеклась и отошла от доски, забыв оставить утюг в вертикальном положении.

Через несколько минут невестка почувствовала запах гари.

— Валентина Михайловна, у вас утюг!

Она быстро прошла в комнату, подняла утюг и выдернула вилку из розетки. На одежде уже проступило бурое пятно.

Валентина подошла к доске и посмотрела на испорченную вещь.

— Надо же. Забыла.

На запах пришёл Максим. Он посмотрел сначала на оставленный утюг, потом на мать, но ничего не сказал.

Для Валентины это была ещё одна неприятная бытовая случайность. Она испортила вещь — и этим, по её мнению, всё исчерпывалось.

Вечером жена вернулась к этому разговору уже наедине с

Максимом.

— С газом обошлось, потому что ты был дома. В ванной ты тоже оказался рядом. Теперь уютно, — сказала она.

— Что ты предлагаешь? — спросил Максим, посмотрев на неё.

— Найти место, где рядом с ней всегда будет кто-то, кто сможет помочь, — ответила жена.

Максим не ответил сразу. Но теперь у него было уже три случая, на которые можно было опереться в разговоре с матерью.

Внук в разговоры взрослых не вмешивался. Когда в квартире становилось особенно тихо после очередного спора, он иногда приходил к Валентине в комнату и садился рядом.

На тумбочке у неё стояла старая коробка с пуговицами, оставшаяся ещё с тех времён, когда она постоянно шила. Мальчик любил перебирать их, раскладывая по размеру и цвету.

— Эта сюда? — спрашивал он, показывая маленькую тёмную пуговицу.

— Нет. Посмотри внимательнее, — отвечала Валентина.

Он прикладывал её к соседним и перекладывал в другую кучку.

— Теперь правильно? — снова спрашивал мальчик.

— Теперь правильно, — подтверждала бабушка.

Валентина улыбалась и поправляла ему воротник или рукав. Здесь, в своей комнате, ей хотя бы ненадолго перестава-

ло казаться, что каждое её действие кто-то оценивает.

Внук ничего не спрашивал о разговорах родителей и бабушки. Просто оставался рядом.

К восемьдесят шестому юбилейному году Валентины родные уже подобрали вариант — пансионат «Активное долголетие».

Максим положил перед ней распечатанные листы. На верхнем была светлая комната, две кровати и кресло возле окна. Валентина подтянула очки, но читать не стала.

— Там можно сначала посмотреть, — сказал сын. — Никто тебя сразу не оставляет.

Невестка уносила со стола чашки. Одну задержала в руке, словно ожидая ответа.

— И что я там буду делать? — спросила Валентина.

— Отдыхать. Гулять. Общаться, — ответил Максим.

— А здесь я что делаю? — возразила Валентина.

Максим потёр переносицу. Невестка поставила чашку в мойку и вышла; вода так и не зашумела. Мать подвинула листы обратно к сыну.

Валентина внимательно посмотрела на сына.

— Вы меня выживаете? Ради квартиры? Я из своей комнаты никуда не поеду, — сказала она.

Максим собрал бумаги, постучал их нижним краем о стол, выравнивая.

— Мы о тебе думаем, — ответил он.

— Тогда убери это, — сказала Валентина.

Он сложил листы пополам. Валентина смотрела, как яркая комната исчезает внутри сгиба.

После отказа прежние страхи постепенно превратились в бытовые правила.

Чайник ей стали подавать уже наполненным. Стоило дотянуться до утюга, Максим забирал его с полки.

— Что тебе погладить? Дай мне, — говорил он.

— Ты шов не разгладишь, — возражала Валентина.

— Разглажу, — отвечал Максим.

Она выпускала вещь не сразу. Сын тянул за другой край, потом спохватывался и ослаблял руку. Перед ванной теперь спрашивали, куда она идёт, и просили не запираяться. Валентина могла выдержать холодную воду, неудобный рукав, собственную медлительность; вопрос, заданный вдогонку из коридора, заставлял её остановиться и резко обернуться.

Совместная жизнь стала невыносимой. При этом Валентина и сама не могла бы точно сказать, кто первым начал создавать неудобства другому: она — своими бытовыми промахами и присутствием или они — превратив заботу в систему постоянных запретов.

Однажды Максим загородил ей путь к плите.

— Я сам разогрею, — сказал он.

— Отойди, — потребовала Валентина.

— Мам, зачем опять? — спросил Максим.

Она поставила кастрюльку на стол так резко, что крышка подпрыгнула. Внук притих над тарелкой. Невестка взяла его

за плечо и увела из кухни. Валентина услышала, как закрылась дверь его комнаты, и опустила голос, но остановиться уже не могла.

— Мне теперь и поесть без разрешения нельзя?

Максим стоял, опираясь рукой о плиту. Она ждала, что он отойдёт. Он ждал, что она отдаст кастрюльку.

После очередной ссоры Валентина ещё долго слышала в голове последние слова Максима, хотя сам он уже ушёл. Через несколько минут хлопнула входная дверь: сын с женой и внуком отправились гулять в ближайший парк. Их голоса стихли за дверью, затем затих и лифт.

В квартире стало непривычно тихо.

Валентина осталась сидеть у себя в комнате. Раздражение не проходило. Напротив, в наступившей тишине всё сказанное словно зазвучало ещё отчётливее. Опять объяснения, что ей можно, чего нельзя, что для неё будет «лучше». Она посмотрела на дверь своей комнаты и вдруг подумала: а зачем вообще ждать следующего разговора?

Поднялась не сразу. Постояла, опираясь рукой о край стола, затем достала сумку на колёсиках.

После этого сомнений уже не осталось.

Она открывала шкаф, снимала с вешалок то, без чего не хотела уезжать, складывала вещи в сумку и тут же возвращалась за следующими. Брала только необходимое. Когда молния стала сходиться с трудом, Валентина нажала ладонью на сумку и всё-таки застегнула её.

Комната сразу показалась какой-то чужой. В шкафу осталась одежда, на тумбочке — привычные мелочи, которые ещё утром были частью её жизни. Валентина задержала на них взгляд, но возвращаться к сумке и перекладывать всё заново не стала.

На кухне она оторвала листок бумаги и несколько секунд держала ручку над ним. Потом крупно написала:

«Не ищите. Я поехала к родственникам».

Перечитала, положила записку на стол и прижала её солонкой.

В прихожей Валентина надела пальто, взялась за выдвижную ручку сумки и ещё раз прислушалась. За дверью было тихо. До возвращения семьи оставалось достаточно времени.

Она вышла из квартиры и закрыла за собой дверь.

Колёсики сумки глухо застучали по полу коридора. Валентина не оглянулась.

Из Москвы она направилась на восток Подмосковья — в Павловский Посад, примерно в ста километрах от столицы. Там жили Сергей и его жена Анна.

Сергей был сыном Тамары — давней подруги Валентины Михайловны. Они познакомились ещё во время работы в швейной индустрии: обе много лет были связаны с одеждой и пошивом, обе любили шить и хорошо разбирались в тканях, крае и отделке. Теперь обе уже были на пенсии, но привычка замечать швы, посадку вещи или неудачно обработанный край никуда не исчезла.

Тамара жила в Москве, а её дача находилась в Раменском районе Московской области. Когда позволяли обстоятельства, Валентина приезжала к ней на одну-две недели: отдыхала от столицы, жила среди зелени, помогала по хозяйству, а вечерами они могли часами обсуждать старые работы, знакомых из прежней профессиональной жизни или какую-нибудь вещь, которую одна из них решила переделать.

По утрам Тамара ставила две чашки с чаем на стол в беседке, накрытый красивой скатертью. Валентина подходила следом, окидывала стол привычным взглядом и почти машинально поправляла край скатерти, если тот лежал неровно.

— Оставь ты её уже, — смеялась Тамара. — Всё у тебя должно лежать по ниточке.

— А как иначе?

На этой даче Валентина и познакомилась с Сергеем. Он приезжал к матери, помогал с участком, привозил продукты, что-то чинил по дому. Позже Валентина познакомилась и с его женой Анной.

Однажды Сергей застал обеих за разбором старой одежды. Валентина сидела с распоротым рукавом на коленях, а Тамара вертела в руках вещь, никак не решаясь её выбросить.

— Мам, ты это сколько лет не носишь? — спросил Сергей, глядя на вещь в её руках.

— Вот Валя поправит, буду носить, — ответила Тамара.

Валентина подняла рукав к свету, провела пальцем по шву

и усмехнулась:

— Носить-то будешь. Только сначала надо всё это распороть и собрать нормально.

Он улыбнулся, отнёс пакеты на кухню и, вернувшись, присел у крыльца чинить расшатавшуюся ступеньку. Валентина потом не раз проходила по ней и вспоминала, как он проверял доску, прежде чем пустить наверх мать.

Сам Сергей с женой Анной жили в Павловском Посаде. Отношения между ними и Валентиной были доброжелательными, но не настолько близкими, чтобы она могла без предупреждения рассчитывать на их дом. Поэтому ей особенно запомнились слова матери Сергея, сказанные когда-то во время одного из разговоров:

— Если у тебя когда-нибудь совсем плохо станет дома, позвони Сергею. Он не откажет.

Валентина тогда только отмахнулась, но номер сохранила. После очередных скандалов с Максимом и решения уехать из московской квартиры она вспомнила именно об этом.

Валентина набрала Сергея и коротко объяснила, что после ссоры с сыном ей нужно пожить отдельно хотя бы какое-то время.

В трубке возникла пауза. Валентина крепче прижала телефон к уху.

— Я немного места занимаю, — добавила она.

— Дело не в этом, Валентина Михайловна. Я сначала с

Анной поговорю. Я вам перезвоню.

Сергей положил телефон и посмотрел на жену. Анна стояла у кухонного стола, разбирая покупки.

— Валентина Михайловна из Москвы звонила. С сыном опять поссорилась. Ушла из дома. Просится к нам пожить, — объяснил Сергей.

— Надолго? — спросила Анна.

— Сама не знает, — ответил Сергей.

Анна на несколько секунд задумалась.

— Ну не оставлять же её теперь одну, — сказала она.

— Мама тоже не простила бы, если бы мы отказали, — добавил Сергей.

Анна кивнула.

— Пусть приезжает. Я приготовлю комнату.

Сергей снова набрал Валентину.

Она всё это время сидела рядом с сумкой, держа телефон в руке. Увидев его имя на экране, сразу ответила.

— Валентина Михайловна, приезжайте. Я сейчас адрес продиктую.

Она нашла в сумочке ручку, записала адрес и несколько раз перечитала его, чтобы не ошибиться.

— Я тогда такси вызову.

— Хорошо. Как выедете, позвоните. Мы вас возле подъезда встретим.

Через несколько минут Валентина уже сидела на заднем сиденье вызванной машины. Сумку на колёсиках водитель

убрал в багажник. Москва постепенно оставалась позади, за окнами становилось меньше многоэтажек, дорога уходила на восток Подмосковья.

Поначалу Валентина внимательно смотрела в окно. Узнавала улицы, перекрёстки, знакомые вывески, потом всё чаще попадались места, названий которых она уже не знала. Навигатор негромко подсказывал водителю очередной поворот.

Водитель почти не разговаривал. Машина спокойно двигалась в общем потоке, иногда замедлялась перед светофорами, затем снова набирала скорость.

Валентина ещё раз посмотрела на экран телефона. Ни звонков, ни сообщений пока не было.

Постепенно многоэтажные кварталы стали встречаться реже. Между домами появились более широкие промежутки, промелькнули склады, заправки, полосы деревьев вдоль дороги. Валентина откинулась на спинку сиденья. Только теперь она почувствовала, насколько устала за последние часы.

Из динамиков негромко заиграла музыка.

Сначала Валентина почти не обратила на неё внимания. Спокойное фортепиано, несколько протяжных аккордов, затем вступили струнные. Мелодия была медленной, немного печальной, без надрыва.

Она продолжала смотреть в окно. Через некоторое время к музыке присоединился женский голос.

Первые слова Валентина почти пропустила. Но затем одна строка неожиданно заставила её прислушаться.

Она чуть повернула голову в сторону передней панели машины.

Песня продолжалась.

А дорога уходит на восток,

И дома становятся всё реже.

Город тает где-то между строк,

Оставляя только то, что было прежде.

Валентина крепче сжала телефон в руке.

За окном действительно становилось меньше домов. Городская застройка постепенно редела, всё чаще появлялись придорожные строения и полосы деревьев.

Она уже не следила за тем, где именно проезжает машина.

Я не знаю, кто откроет дверь,

И куда меня дорога приведёт.

Но впервые страшно не теперь —

Страшно было там, где всё осталось и живёт.

Водитель немного прибавил звук, когда машина вышла на более шумный участок трассы.

Валентина этого почти не заметила.

Она сидела неподвижно, глядя в боковое стекло. Машины, дорожные знаки, остановки и деревья проходили мимо один за другим, но какое-то время она словно перестала их замечать.

Перед глазами вдруг возникла её комната.

Кровать. Коробка с пуговицами. Шкаф, в котором осталось почти всё. Записка на кухонном столе.

Потом лицо Максима. Валентина моргнула и снова увидела дорогу.

Песня ещё не закончилась.

Пускай никто не знает, где я есть,

Пускай за мною город исчезает.

Порой побег — не слабость и не месть,

А дверь, которую впервые открывают.

Последняя строчка прозвучала тише предыдущих. Голос смолк, а музыка ещё несколько секунд продолжалась сама по себе.

Валентина всё это время не двигалась. Только когда зазвучала уже другая композиция, она едва заметно выдохнула и поправила лежавшую на коленях сумочку.

Она не знала ни названия песни, ни имени певицы. Не стала спрашивать водителя и не стала искать композицию.

Но последние слова запомнила. За окном Москва окончательно оставалась позади.

Валентина прислонилась к спинке сиденья и прикрыла глаза.

Ещё недавно ей казалось, что она просто уезжает после очередной ссоры с сыном. Теперь впервые появилась другая мысль: возможно, эта дорога ведёт её не только прочь из прежней жизни, но и к чему-то новому.

Когда навигатор сообщил о приближении к адресу, она выпрямилась и посмотрела в окно.

Такси остановилось возле подъезда дома в Павловском

Посаде. Сергей и Анна уже ждали её у входа.

Сергей подошёл к машине, открыл багажник и достал сумку.

— Доехали нормально?

— Нормально. Только дорога длинная.

Анна подошла ближе.

— Пойдёмте, Валентина Михайловна. Комната уже готова.

Валентина посмотрела на них, затем на незнакомый подъезд и медленно пошла следом.

Первые дни там оказались для неё почти передышкой. После постоянного напряжения в Москве сам факт, что никто не контролировал каждое её действие, воспринимался как возвращение нормальной жизни.

Сергей и Анна жили в двухкомнатной квартире. Одна комната была большой, но проходной. Вторая — меньше, зато полностью изолированной. До приезда Валентины именно эта изолированная комната была их спальней.

Супруги решили уступить её Валентине, чтобы пожилой женщине не приходилось жить в проходной комнате. Сами Сергей и Анна перенесли спальные места в большую комнату и стали жить там.

Анна снимала с кровати покрывало, Сергей выдвигал ящик. Вынесенные подушки сложили на диван за дверью. Валентина стояла у порога и следила, не перегородила ли сумкой проход.

— Тут свет выключается возле кровати, — показала Анна. — Вставать не надо.

Валентина нажала кнопку, потом снова включила лампу. Сергей поставил сумку рядом с тумбочкой и отошёл, оставляя ей место.

Для Валентины это было удобно. Она могла закрыть дверь, спокойно отдыхать, раскладывать свои вещи и впервые за долгое время чувствовать, что у неё снова появилось собственное пространство.

В первый вечер Валентина никуда больше не собиралась. Дорога утомила её, да и сама комната ещё оставалась чужой. Она долго не закрывала дверь, ожидая, что Анне понадобится что-нибудь забрать из шкафа. Только когда в квартире стихли разговоры, Валентина осторожно притворила дверь и села на край кровати.

За стеной скрипнул диван — Сергей и Анна устраивались на ночь в большой комнате, уступив ей свою спальню.

Валентина сняла очки, положила их на тумбочку и открыла сумку. Сразу стало понятно, насколько мало она взяла с собой из Москвы. Домашней одежды почти не было, часть белья осталась дома, не хватало привычных средств ухода и нескольких простых бытовых вещей.

Возвращаться за ними она не собиралась.

Валентина достала из сумочки ручку и лист бумаги и начала составлять список. Писала медленно, вспоминая по порядку, что понадобится в ближайшие дни. Сначала домаш-

ная одежда, потом бельё, тапочки, средства ухода, несколько мелочей для комнаты. Закончив, перечитала список и положила его рядом с очками.

На следующий день Сергей и Анна тоже собирались по своим делам и магазинам.

За завтраком Анна заметила листок возле Валентины.

— Это вы список составили? — спросила она.

— Да. Вчера поняла, что половину нужного не взяла.

Сергей протянул руку.

— Давайте посмотрим. Всё равно сегодня по магазинам поедем. Заодно и ваше купим.

Валентина сначала хотела возразить, но потом подвинула листок к нему.

— Только мне много не надо.

Первая поездка заняла почти полдня.

В магазине Валентина выбирала вещи придирчиво. Домашнюю кофту брала с вешалки, выворачивала край и пальцами проверяла швы.

— Эту не надо.

— Почему? — спросила Анна.

— После первой стирки поведёт.

Другую Валентина согласилась примерить, но перед зеркалом сразу потянула ткань на плече.

— И эта не годится. Плеча нет, всё съедет.

Анна вернула кофту на вешалку и принесла следующую.

Сергей тем временем ждал с пакетами и своими покупка-

ми.

К машине Валентина возвращалась уже медленнее. Анна предложила руку, и на этот раз она не отказалась. Сергей заранее открыл дверцу и убрал пакеты так, чтобы они не мешали ногам.

За одну поездку купить всё не получилось. Уже дома Валентина вспоминала, что забыла записать ещё несколько вещей. Поэтому за время её жизни в Павловском Посаде Сергей и Анна возили её по магазинам ещё не раз.

Каждый раз у них были и свои покупки, и её список. Постепенно в комнате появлялись вещи Валентины, и чужая спальня всё больше начинала казаться ей собственной.

Для Валентины эта помощь имела большое значение. Она воспринимала её не просто как гостеприимство, а как возможность начать жизнь с нового листа.

Однажды после очередной поездки по магазинам, когда Сергей заносил покупки в квартиру, Валентина сказала:

— Вы меня очень выручили. Я этого не забуду.

Сергей отмахнулся:

— Валентина Михайловна, ну что вы. Мама бы меня не поняла, если бы я вам не помог.

Но Валентина продолжила:

— У меня есть банковский вклад. После меня пусть вам с Анной останется.

Сергей сразу нахмурился.

— Не надо об этом. Мы вас не ради денег приняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.